

Научная статья
<https://doi.org/10.23672/SEM.2023.88.87.016>
УДК 81'373.611

СЕМАНТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СВЯЗИ ЛЕКСЕМ ИСТЫИ И ИСТИНЬНЫЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ткаченко М.С.

Кубанский государственный университет

Аннотация. Предметом настоящего исследования являются прилагательные ИСТЫЙ и ИСТИНЬНЫЙ, рассматриваемые в диахроническом аспекте выражаемых значений путем соотношения сем производной и производящих основ. Проводится детальное семемное описание прилагательного ИСТЫИ и производных ИСТИНА и ИСТИНЬНЫЙ на материале словарей древнерусского языка путем анализа приводимых контекстных употреблений с целью построения семантической модели. Сравнение полученных данных позволило выделить семантическое основание внутренней формы слова, а сопоставление близких сем – отметить пути развития новых семем и нейтрализацию прежних. Отдельное внимание уделяется критериально-оценочным значениям у лексем ИСТЫИ и ИСТИНЬНЫЙ, особенно в тех случаях, когда иллюстративный материал словарной статьи позволяет выявить основания оценок экзистенциального деонтического типов, согласно классификации С.О. Малевинского. Завершается исследование установлением общих и дифференциальных сем в ряду рассмотренных лексем.

Ключевые слова: сема, семема, семантика, имя прилагательное, оценка, критериальная оценка, критериальные оценки деонтического типа, критериальные оценки экзистенциального типа, метод моделирования, словообразовательное гнездо, исторические словари русского языка, номинация, древнерусский язык.

SEMANTIC-WORD-FORMATION CONNECTIONS OF THE LEXEMES ISTYI AND ISTINNY IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE

Maxim S. Tkachenko

Kuban State University

Abstract. The subject of this study are the adjectives PURE and TRUE, considered in the diachronic aspect of the meanings expressed by the ratio of these derivatives and generating bases. A detailed family description of the adjective PURE and derivatives TRUE and TRUE is carried out on the basis of dictionaries of the Old Russian language by analyzing the contextual uses given in order to build a semantic model. A comparison of the data obtained made it possible to identify the semantic basis of the internal form of the word, and a comparison of close semes – to mark the ways of development of new semes and the neutralization of the former ones. Special attention is paid to the criterion-evaluative values of the lexemes TRUE and TRUE, especially in cases where the illustrative material of the dictionary entry allows us to identify the bases of assessments of existential deontic types, according to the classification of S.O. Malevinsky. The study concludes with the establishment of general and differential semes in a number of the considered lexemes.

Key words: *sema, sememe, semantics, adjective, evaluation, criterion evaluation, criteria-based assessments of the deontic type, existential type criteria assessments, modeling method, word-formation nest, historical dictionaries of the Russian language, nomination, Old Russian language.*

Введение.

Цель настоящего исследования – проследить развитие лексического значения через соотнесение с внутренней формой слова прилагательных ИСТЫИ и ИСТИНЬНЫЙ в древнерусском языке. Согласно А.А. Потебни, «всякое новое слово имеет представление, т.е. [...] всегда заключает в себе один признак, общий со значением, ему предшествующим»; «из значения прежнего слова в новое входит только один признак» [5, с. 34]. Этот признак и называется внутренней формой слова. Такой посредник между двумя сравниваемыми мыслительными единицами ученый именуется *tertium comparationis*. Развивая мысль А.А. Потебни, В.Г. Гак считает, что в процессе группировки и классификации новых объектов субъект пользуется уже готовыми в языке элементами плана содержания и выражения. Эту же мысль развивает О.Е. Павловская и С.О. Малевинский, говоря о видах значений полнозначительных слов [4, с. 5].

Выбор внутренней формы слова – явление не случайное, а отражает результат коллективного познавательного процесса. При этом интерес представляет выбор признака номинации, который может быть как объективным, т.е. отражать реальные черты, отмеченные лингвокультурным сообществом, так и субъективно-прагматическим.

Прилагательные ИСТЫИ и ИСТИНЬНЫЙ находятся в отношениях словообразовательной и семантической производности. Согласно «Словообразовательному словарю русского языка» А.Н. Тихонова, прилагательное ИСТИНЬНЫЙ в современном русском языке является производным от существительного ИСТИНА [10, с. 282], от которого оно образовано суффиксальным способом. В свою очередь, ИСТИНА содержит непроемную основу. Однако по данным исторических словарей, в древнерусском языке существительное ИСТИНА происходит от основы *ист-* как в прилагательном ИСТЫЙ и, следовательно, является производным.

Все производные слова сохраняют семантическую связь с производящей основой по одному из признаков. Когда же эта связь разрывается, прекращаются и связанные с ней словообразовательные отношения. Нужно полагать, именно это и произошло со словами ИСТЫЙ и ИСТИНА в современном русском языке.

Для анализа динамики изменений словообразовательных и семантических отношений нами были проанализированы словарные дефиниции семантики лексем ИСТЫИ → ИСТИНА → ИСТИНЬНЫЙ для древнерусского языка XI-XIV вв. В качестве исторических словарей были использованы «Словарь древнерусского

языка (XI-XIV вв.)» (СДРЯ), «Словарь русского языка XI-XVII вв.», (СРЯ XI-XVII) «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, (МСДРЯ) «Словарь русского языка XVIII в.» (СРЯ XVIII), «Словарь Академии Российской» (САР). В ходе анализа использовалась методика анализа словарных дефиниций, предложенная И.А. Стерниным [9, с. 16].

Обсуждение.

«Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) у прилагательного **ИСТЫИ** выделяет значение, которое иллюстрируется синонимами *подлинный, настоящий* [6, с. 177]. Однако в памятниках переводного характера древнерусское прилагательное **ИСТЫИ** используется в качестве эквивалента греческому прилагательному. Так, в Кормчей Рязанской 1284 года читаем: *не приидеть же на имѣнье должника заимодавецъ. прѣже даж(ь) не исповѣдано будетъ. пре(д) послухы съглашенье. на сповѣстники і на поручьники і на съвѣтъныкы. и тако на имѣнье приити **истаго** (тоѹ прѡтѡтѡлу) должника*. Можно заметить, что прилагательное *истый* (1) синонимично указательному местоимению *тот* или выражению *тот самый*, соответствующие греческому слову *прѡтѡтѡлу*. Это значение приводит также И.И. Срезневский в своих «Материалах для словаря древнерусского языка»: *Истому* (тому самому) *королеви Володиславови* (Грамм. Дм. Ольгерд. 1388) [8, с. 1144-1145].

Кроме этого, прилагательное **ИСТЫИ** обозначало (2) истинность

чего-либо, соответствие действительности (2.1) в противоположность тому, что таковым не является: *познавъше пѣтици своѣго оца, оставивъше неїстаго потекутъ къ **истому*** (Иппол. Антихр. 55). В русском языке в этом значении употребляется прилагательное *настоящий*, например, в выражении *найти настоящего отца*. *И иже видѣли бѣху Александра жива, и кленяхуся яко тѣ ес(ть) истыми* (Флавий. Полон. Иерус. I, 134). Можно заметить, во втором примере соответствие действительности мыслится (2.2) как противоположность видимости, призрачности.

В следующем примере: *наоучи жеса ѡ(т) Юврѣя богословіе, аще и не явѣ **истю***., - древнерусская лексема является эквивалентом греческому *ἀκραιφνής* «несмешанный, чистый», «нетронутый, чистый» [1, с. 68]. *Истым богословием*, надо полагать, называется богословие истинной веры, т.е. такое богословие, чистота которого ведет к познанию истинного Бога. Именно на такое понимание указывает противопоставление истинного христианского богословия иудейскому, в котором автор высказывания видит искажение богооткровенной истины. Таким образом, прилагательное **ИСТЫИ** (3) синонимично значению *сохраняющий первоначальную чистоту, лишенный какого-либо смешения*, как в современных выражениях *чистое золото, чистый спирт*.

Иное значение встречаем, например, в следующем памятнике XIV века: *то бо есть **истая ересь***

иже бо пристати къ нравомъ ѡканьныхъ садукии, где рассматриваемое прилагательное обозначает не просто ересь, а ересь (4) действительную, настоящую, со всеми признаками, природа которой не вызывает сомнений. В данном случае, актуальным оказывается указание на соответствие ментальным образованиям, мыслимым в качестве необходимых, но необязательно предусмотренных содержанием логического понятия. В русском языке, в данном случае, было бы уместно прилагательное *настоящий*, как, например, в выражении *он высказал настоящую ересь*.

Прилагательное ИСТЫИ может указывать также на (5) высокую степень обладания какими-либо качествами. В этом случае оно заменяет греческое ἄκροϛ в значении «наилучший, превосходный» [1, с. 71]: *бѣ бо звѣдозаконьникъ истыи, ѡцем своимъ наказанъ* (ГА XIII-XIV, 51г). Если толковать значение данного прилагательного через *настоящий*, как предлагает словарь, то наиболее справедливым было бы соотнести такое употребление с выражениями типа *настоящий мастер, настоящий виртуоз*.

Следует также отметить случаи, где невозможна однозначная семантическая интерпретация, очевидно, по причине совмещения нескольких значений: *тѣм же и боленъ моужь твориса създравъ истаго здравия не ѡбращеть*. Логично предположить, что под словосочетанием *истымъ здравием* можно понимать здравие не только кажущееся, но и действительное. С другой стороны,

нельзя исключать и сему полноты, совершенства, то есть здравия тела и души.

Прилагательное ИСТЫИ может указывать на (6) те качества, которыми денотат определяемого существительного должен обладать. Эти качества устанавливают соответствие предмета оценки его природе: *истаа бо вѣра дѣлы са авляетъ* (Ю. екз. Бог. 246); *Имать бо съ собою истааго кормьчию Христа* (Иппол. Антихр. 59). В данных примерах лексема ИСТЫИ употребляется в критериально-оценочном значении деонтического типа, где в роли оснований оценки выступают ментальные образования, обусловленные представлением о том, какими должны быть настоящая вера или настоящий кормчий. Примечательно, что на месте лексемы ИСТЫИ в словосочетании *истый кормчий* употребляется греческое прилагательное ἔμπειρον, переводимое на русский язык как *имеющий опыт, сведущий* [1, с. 523]. Полагаем, что именно эти признаки и являются оценочными основаниями.

Особняком стоит значение прилагательного ИСТЫИ (7) как того, что содержит или отражает ведение, подаваемое свыше: *раздрѣшева, прехвальне, тѣму невѣжствѣну, свѣтъ же истъ облистова Дамаску трисъставьнь* (Мин. окт., 7. 1096 г.). *Истымъ свѣтъмъ*, как нам кажется, автор канона называет особое просвещение ума, которое приближает человека к пониманию божественных истин, не доступных для ума земного, плотского.

Таким образом, словари древнерусского языка демонстрируют наличие у древнерусского прилагательного **ИСТЫИ** следующие семемы: 1. тот, тот самый; 2. соответствующий действительности 2.1. в противоположность тому, что таковым не является или 2.2. видимости, прозрачности чего-либо; 3. то, что лишено примесей и сохраняет первоначальную чистоту; 4. действительный, со всеми признаками чего-либо; 5. в высокой степени обладающий какими-либо качествами; 6. такой, какой должен быть; 7. указывающий на сверхъестественное, божественное ведение.

Существительное **ИСТИНА** является производным от основы *ист-*, от которой оно образовано суффиксальным способом. «Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)» выделяет у него следующие семемы.

Истиной называется то, что (1) соответствует действительности, или (1.1) реальному положению дел в настоящем или прошлом. Данное значение находим в случаях, когда речь идет о каком-то событии, факте: *истиною ти вѣщаю отче яко азъ самъ пометахъ соуѣкъ тѣ* (ЖФП XII); *и глагола юмоу оуноша всю истиною* (ПрЛ XIII, 276). Иные контексты подчеркивают значение истины (1.2) как противоположности лжи, обману: *яко же рече ап(с)лъ. отъложивъше лъжю вѣштайте истиною къждо съ ближнимъ своимъ* (Изб 1076, 203).

В ряде случаев, **ИСТИНОЙ** называется (2) знание, подаваемое свыше, которое является способом и следствием богопознания: *подобаетъ всѣхъ очиститисѧ [...] хотащемоу*

оуловити истиною (ПНЧ 1296); *Моисии прмдрымъ всѣмъ оучитель наре(ч)сѧ, неизреченымъ изгльникъ, истинѣ извѣстьникъ бж(с)твьныи* (ГА XIII–XIV); *Максимъ и федотъ. х(с)ва мчника ходяцю по всемоу градуу и вси. съ дързновнениемъ проповѣдаста истиною. и бга исповѣдаста* (ПрЛ XIII). Словарь, однако, в этом случае дает лишь помету *о христианстве*, не выделяя при этом особого ЛСВ. Отголоском этого значения в современном русском языке является выражение *истинная вера*.

Интересно отметить, что в переводных с древнегреческого на древнерусский язык текстах обоим значениям соответствует одна лексема ἀλήθεια, которая, согласно «Древнегреческо-русскому словарю» И.Х. Дворецкого, второго, христианского, значения не имеет [1, с. 77–78].

Нельзя не заметить, что существительное **ИСТИНА** также эксплицитно значение (3) справедливости в составе устойчивых выражений: *како не правосудите. но мзды ради погубляете истину* (Пр 1384, 74г); *тѣм же съ многымъ долготерпѣньемъ оуловивше правду. створите истину* (РПрМус сп. XIV, 3).

Фразеологически, связанным также является употребление слова **ИСТИНА** в значении (4) *верности кому-либо*: *и ти принимающее харатью на роту идутъ хранити истину* (ЛЛ 1377, 13 об. 945).

Отдельный интерес представляет пятый ЛСВ, в котором **ИСТИНОЙ** называется (5) действительное количество товара, денег (без прибыли) [8, с. 320]. Выше указывалось,

что прилагательное ИСТЫИ могло обозначать отсутствие примесей, а сочетаясь с существительными *плата*, *стоимость*, указывало на отсутствие процентов или дополнительной прибыли при продаже или займе. Теперь, как видно из памятников XV-XVI вв., основное значение оказалось невосстребованным и вытесненным более частным, что обуславливается сокращением числа слов, способных сочетаться с прилагательным ИСТЫИ в рассматриваемом значении.

Таким образом, выделенные на основе анализа словарных дефиниций и контекстуальных употреблений значения можно представить в виде следующей модели:

ИСТИНА:

- 1) то, что соответствует действительности;
- 2) знание, духовное ведение, сообщаемое свыше;
- 3) справедливость, законность;
- 4) верность;
- 5) количество товара, денег без прибыли.

Прилагательное **ИСТИНЬНЫЙ** демонстрирует гораздо большее число ЛСВ по сравнению с лексемой, содержащей производящую основу. Анализ словарного материала позволяет выделить около восьми ЛСВ.

Относительное прилагательное ИСТИНЬНЫЙ, будучи образовано от существительного ИСТИНА, употребляется в тех случаях, когда также указывает на (1) соответствие какого-либо предмета или явления действительности, причем это соответствие бывает аспектуальным: истинность

как соответствие чего-то своей природе может противопоставляться показному или кажущемуся проявлению свойств какого-либо предмета: *кающихъса о исходѣ еретикъ подобаетъ приимати [...] нъ искоушающе. аще истинноѹ покажутъ покаianie* (КЕХП, 181б); *просвѣтити его истиннымъ блгразумьемъ* (ЖВИ XIV-XV, 71в); *исправления же похотнаго се соуть. желание истиннаго добра* (КР 1284б 203в). В другом случае, значением соответствия чего-либо действительности можно считаться указание на реальность чего-либо в противовес прообразу или образу (изображению): *змия мѣдная не бѣ истинная змия. но обра(з) имѣ змия* (ГБ XIV, 70г).

Сочетаясь с одушевленными существительными, лексема ИСТИНЬНЫЙ (2) приобретает значение *правдивый, говорящий правду*: *нъ искати послухъ истиненъ. боящихъса бга нарочитъ* (МПр XIV, 72); *Истиненъ боуди. истинны же имѣи и друугы* (Мен к. XIV, 183 об.).

Близким к указанному мы относим значение ИСТИНЬНЫЙ как (3) *содержащий истину*. Истина при этом может (а) противопоставляться лжи или (б) актуализировать значение высшего, божественного откровения (см. выше): (а) *истинна бо соуть вдыкы словеса яко же рече. яко славащая ма прославию* (ЖФП XII, 65а); *и видѣвъ свѣдѣтельствова. и истинно есть свѣдѣтельство его* (КР 1284, 274в) (б) *и посланъ бысть в критъ. и проповѣдавъ слово истинноѹ. с миромъ оусне* (Пр 1383, 151 – 152).

Также, как и существительное ИСТИНА, производное от него прилагательное ИСТИНЬНЫИ (4) способно выражать значение справедливости. Причем, это значение, в зависимости от контекста, приобретает оттенок (а) справедливости, законности в рамках общественных отношений или (б) оттенок высшей, божественной справедливости: (а) *исти́нная хоула лоучеи юсть лицемѣрныя славы* (Пч к. XIV, 91 об); (б) *судъ истинень и нелицемѣренъ* (ЛЛ 1377, 149 (1212)).

Особое место в семантической структуре рассматриваемого прилагательного занимают (5) семема с критериально-оценочным значением, которые С.О. Малевинский относит к оценкам экзистенциального и деонтического типа [2, с. 86].

(5.1) Первый вид оценок, имеющих общее значение типичности/нетипичности, дан в следующих примерах, в которых прилагательное ИСТИНЬНЫИ указывает на полный набор ментальных образований, или стереотипов, мыслимых в качестве существенных для какого-либо предмета или явления: *въведе и въ црковь и на полати да видать истинное хр(с)тянство. и крѣстатъся* (ЛЛ ок. 1425, 208 об. (1175); *истиного друга въ напастехъ не боиса* (Пч к. XIV, 22); *иже не одешеть оубогааго. а имѣниѣ. имѣя. то юсть истинины разбоикъ* (Изб 1076, 94).

(5. 2) Критериальную оценку деонтического типа, или оценку того, каким предмет должен быть, мы находим в следующих примерах: *нѣсть праздника истинному мниху на земли.*

праз(д)никъ мниху блгъ плачь всегда (ИларПосл XI сп. XIV, 200-200 об.); *се бысть истиныи пастырь пасъ стадо люди земля Ростовьскыя с кротостью* (ЛЛ 1377, 168 (1262)); *и обиходше [Ольга] всю русьскую землю. дани и оуроки оуставляюци. кюмиры скрушающа. яко истинная оучница хва* (ПрП XIV-XV (2), 1856). Из этих контекстов видно, что прилагательное ИСТИНЬНЫИ, сочетаясь с существительными *пастырь, монах, ученица* (Христа), выражает значение образцовости, достигаемой путем соответствия критериям, мыслимым в качестве обязательных для оцениваемого предмета.

Иногда, древнерусское прилагательное ИСТИНЬНЫИ употребляется (6) в значении *искренний*: *аще истиннымъ срдцьмъ и вѣрою обратитъся къто отъ нихъ* (КЕ XII, 74-75). Очевидно, подразумевается искренность сердца как символ чувств; то есть, искренность самих чувств.

Исследуемое прилагательное, сочетаясь с некоторыми существительными, (7) имеет значение *уважительный, оправданный*: *и аште боудеть истинна вина. милость да полоучить* (КЕ XII, 14а).

В иных случаях, это значение переосмысливается и (8) употребляется для указания на то, что имеет вес, силу: *въ законѣ бо вашемъ написано юсть, яко двоу члвкоу свѣдѣтельство истинно ю(с)* (Пч к. XIV, 110).

Таким образом, модель ЛСВ прилагательного ИСТИНЬНЫИ можно представить в следующем виде:

ИСТИНЬНЫИ:

1) соответствующий действительности: не показной, противопоставленный образному;

2) тот, кто говорит правду;

3) содержащий истину как то, что противоположно лжи, и истину как богооткровенное знание;

4) справедливый по человеческой или божественной мере;

5) в критериально-оценочном значении:

5.1) со всеми признаками чего-либо, соответствующий природе чего-либо, типичный;

5.2) такой, какой должен быть;

6) искренний;

7) уважительный;

8) то, что имеет вес, силу.

Представленные модели, однако, не отражают частотность употребления, вследствие чего невозможно выстроить иерархию этих значений. Причиной этого является ограниченность словарного материала. Однако использованная методика семантического описания, предложенная И.А. Стерниным, позволяет с большой степенью вероятности выделить возможные значения, иерархия которых возможна только при работе с обширным текстовым материалом.

Результаты.

Сравнивая полученные в ходе анализа значения и их компоненты, можно сделать следующие выводы, которые должны учитывать словообразовательную соотношенность лексем: ИСТЫИ → ИСТИНА и ИСТИНА → ИСТИНЬНЫЙ.

1. У лексем ИСТЫИ и ИСТИНА выделяется общая сема *то, что соот-*

ветствует действительности. Однако существительное ИСТИНА развивает особый аспектуальный признак этого соответствия – *противоположный лжи или обману.* Общей также является сема *знания или ведения, подаваемого свыше.*

2. Производное ИСТИНА сужает значение *без смешения, сохраняющий первоначальную чистоту,* наблюдаемое у производящей основы, прилагая этот признак к существительным со значением товара, денег.

3. Прилагательное ИСТИНЬНЫЙ обнаруживает с производящей основой в слове ИСТИНА также общую сему соответствия действительности. При этом заслуживают внимания как совпадение, так и различие аспектуальных признаков. В первом случае сохраняются актуальными семы *противопоставленный лжи* и *содержащий откровение, подаваемое свыше.* Во втором случае наблюдаем развитие нового признака – *противопоставленный образу или прообразу.* Отдельно нужно сказать о сохранении семы *противопоставленный кажущемуся,* которая была отмечена у лексемы ИСТЫИ и была, следовательно, заимствована у производящей основы второго ряда.

4. Подобные семантические отношения, которые «игнорируют» непосредственно производящие основы, можно проиллюстрировать также развитием у прилагательного ИСТИНЬНЫЙ критериально-оценочной семантики экзистенциального и деонтического типа, как у лексемы ИСТЫИ.

Выводы.

Таким образом, семантико-словообразовательные отношения у древнерусских лексем ИСТЫИ → ИСТИНА → ИСТИНЬНЫЙ обнаруживают (1) общие (интегральные) семы и их общие аспектуальные оттенки, (2) общие семы с различными

аспектуальными оттенками. При этом общность сем не всегда обусловлена семантикой лексемы первого словообразовательного ряда. И, наконец, мы отметили (3) сужение экстенсионала семы и (4) появление новых сем как результата семантического развития в языке.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. *Древнегреческо-русский словарь. В 2 т. / Т.1. А-Л / Сост. И.Х. Дворецкий; Ред. С.И. Соболевский. – Москва: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – 1044 с.*
2. *Малевинский, С.О., Ахмадзаи, С.А. Критериальная оценочность в русской речи: монография / С.О. Малевинский, С.А. Ахмадзаи. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2016. – 394 с.*
3. *Никифорова, Е.Б. Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы: монография / Е. Б. Никифорова. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008. – 327 с.*
4. *Павловская, О. Е., Малевинский, С.О. О семантической структуре полнозначного слова / О. Е. Павловская, С. О. Малевинский // Труды Кубанского государственного аграрного университета. – 2006. – № 4. – С. 252-266.*
5. *Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – Москва: Гос. учебно-методическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958. – 536 с.*
6. *Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.): В 10 т. / под ред. Р. И. Аванесова. – Т. 4.: Изживати–Моление. – Москва: Русский язык, 1991. – 559 с.*
7. *Словарь русского языка XI–XVII вв.: В 28 т. / под ред. С. Г. Бахурдарова. – Т. 6.: Зипунь–Иануарий. – Москва.: Наука, 1979. – 360 с.*
8. *Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1: А–К / И. И. Срезневский. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1893. – 806 с.*
9. *Стернин, И.А., Саломатина, М.С. Семантический анализ слова в контексте: Учебное пособие / И. А. Стернин, М. С. Саломатина. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2011. – 150 с.*
10. *Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1.: А–П / А. Н. Тихонов. – Москва: Русский язык, 1985. – 854 с.*

Reference:

1. *Ancient Greek-Russian dictionary. In 2 Vols. / Vol.1. A-A / Comp. I.H. Dvoretzky; Ed. S.I. Sobolevsky. – Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1958. – 1044 p.*

2. Malevinsky, S.O., Akhmadzai, S.A. *Criterion evaluation in Russian speech: monograph* / S.O. Malevinsky, S.A. Akhmadzai. – Krasnodar: Kuban State University, 2016. – 394 p.
3. Nikiforova, E.B. *Semantic evolution of the lexical system of the Russian language: trends, vectors, mechanisms: monograph* / E. B. Nikiforova. – Volgograd: Publishing house of VSPU "Change", 2008. – 327 p.
4. Pavlovskaya, O. E., Malevinsky, S.O. *On the semantic structure of a full-meaning word* / O. E. Pavlovskaya, S. O. Malevinsky // *Proceedings of the Kuban State Agrarian University*. - 2006. – No. 4. – pp. 252-266.
5. Potebnya, A. A. *From notes on Russian grammar* / A. A. Potebnya. – Moscow: State Educational and Methodical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1958. – 536 p.
6. *Dictionary of the Old Russian language (XI—XIV cent.): In 10 volumes* / edited by R. I. Avanesov. – Vol. 4.: *Izzhivati—Prayer*. – Moscow: Russian language, 1991. – 559 p.
7. *Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries: In 28 volumes* / edited by S. G. Bakhurdarov. – Vol. 6.: *Zipun—January*. – Moscow.: Nauka, 1979. – 360 p.
8. Sreznevsky, I. I. *Materials for the dictionary of the Old Russian language. Vol. 1: A–K* / I. I. Sreznevsky. – St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1893. – 806 p.
9. Sternin, I.A., Salomatina, M.S. *Semantic analysis of a word in context: A textbook* / I. A. Sternin, M. S. Salomatina. Voronezh: Publishing house "Istoki", 2011. – 150 p.
10. Tikhonov A. N. *The word-formation dictionary of the Russian language. Vol. 1.: A-P* / A. N. Tikhonov. – Moscow: Russian language, 1985. – 854 p.

Информация об авторе:

Ткаченко Максим Сергеевич, магистр филологии, соискатель кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского государственного университета, Tkachenko@mail.ru

Maxim S. Tkachenko, Master of Philology, applicant for the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University.